

Переполох — эпизод 2 из 3

Родители ее живут далеко в провинции; чтобы приехать к ней, у них нет денег. В столице она одна, как в пустынном поле, без родных и знакомых. Что хотят, то и могут с ней сделать.

Побегу ко всем судьям и защитникам... думала Машенька, дрожа. Я объясню им, присягну... Они поверят, что я не могу быть воровкой!

Машенька вспомнила, что у нее в корзине под простынями лежат сладости, которые она, по старой институтской привычке, прятала за обедом в карман и уносила к себе в комнату. От мысли, что эта ее маленькая тайна уже известна хозяевам, ее бросило в жар, стало стыдно, и от всего этого от страха, стыда, от обиды началось сильное сердцебиение, которое отдавало в виски, в руки, глубоко в живот.

Пожалуйста кушать! позвали Машеньку.

Идти или нет?

Машенька поправила прическу, утерлась мокрым полотенцем и пошла в столовую. Там уже начали обедать... За одним концом стола сидела Федосья Васильевна, важная, с тупым, серьезным лицом, за другим Николай Сергеич. По сторонам сидели гости и дети. Обедать подавали два лакея во фраках и белых перчатках. Все знали, что в доме переполох, что хозяйка в горе, и молчали. Слышны были только жеванье и стук ложек о тарелки.

Разговор начала сама хозяйка.

Что у нас к третьему блюду? спросила она у лакея томным, страдальческим голосом.

Эстуржон аля русс! ответил лакей.

Это, Феня, я заказал... поторопился сказать Николай Сергеич. Рыбы захотелось. Если тебе не нравится, та chre2, то пусть не подают. Я ведь это так... между прочим...

Федосья Васильевна не любила кушаний, которые заказывала не она сама, и теперь глаза у нее наполнились слезами.

Ну, перестанем волноваться, сказал сладким голосом Мамиков, ее домашний доктор, слегка касаясь ее руки и улыбаясь также сладко. Мы и без того достаточно нервны. Забудем о броши! Здоровье дороже двух тысяч!

Мне не жалко двух тысяч! ответила хозяйка, и крупная слеза потекла по ее щеке. Меня возмущает самый факт! Я не потерплю в своем доме воров. Мне не жаль, мне ничего не жаль, но красть у меня это такая неблагодарность! Так платят мне за мою доброту...

Все глядели в свои тарелки, но Машеньке показалось, что после слов хозяйки

на нее все взглянули. Комок вдруг подступил к горлу, она заплакала и прижала платок к лицу.

Pardon, пробормотала она. Я не могу. Голова болит. Уйду.

И она встала из-за стола, неловко гремя стулом и еще больше смущаясь, и быстро вышла.

Бог знает что! проговорил Николай Сергеич, морщась. Нужно было делать у нее обыск! Как это, право... некстати.

Я не говорю, что она взяла брошку, сказала Федосья Васильевна, но разве ты можешь поручиться за нее? Я, признаюсь, плохо верю этим ученым беднячкам.

Право, Феня, некстати... Извини, Феня, но по закону ты не имеешь никакого права делать обыски.

Я не знаю ваших законов. Я только знаю, что у меня пропала брошка, вот и всё. И я найду эту брошку! она ударила по тарелке вилкой, и глаза у нее гневно сверкнули. А вы еще и не вмешивайтесь в мои дела!

Николай Сергеич кротко опустил глаза и вздохнул. Машенька между тем, придя к себе в комнату, повалилась в постель. Ей уже не было ни страшно, ни стыдно, а мучило ее сильное желание пойти и отхлопать по щекам эту черствую, эту надменную, тупую, счастливую женщину.

Лежа, она дышала в подушку и мечтала о том, как бы хорошо было пойти теперь купить самую дорогую брошь и бросить ею в лицо этой самодурке. Если бы бог дал, Федосья Васильевна разорилась, пошла бы по миру и поняла бы весь ужас нищеты и подневольного состояния и если бы оскорбленная Машенька подала ей милостыню! О, если бы получить большое наследство, купить коляску и прокатить с шумом мимо ее окон, чтобы она позавидовала! Но всё это мечты, в действительности же оставалось только одно поскорее уйти, не оставаться здесь ни одного часа. Правда, страшно потерять место, опять ехать к родителям, у которых ничего нет, но что же делать? Машенька не могла видеть уже ни хозяйки, ни своей маленькой комнаты, ей было здесь душно, жутко. Федосья Васильевна, помешанная на болезнях и на своем мнимом аристократизме, противопела ей до того, что кажется, всё на свете стало грубо и неприглядно оттого, что живет эта женщина.